

ТЕАТР

ПОВЕСТЬ, РАССКАЗАННАЯ СО СЦЕНЫ

Омский ТЮЗ решил рассказать своим зрителям повесть Бориса Васильева «А зори здесь тихие...» Повесть о подвиге, совершенном пятью зенитчицами старшиной на клочке карельской земли в мае 1942 года. Историко, как справедливо отмечала критика, «безупречно героическую», сразу же обратившую на себя читательское внимание, достаточно испытанное и плакатным изображением подвига, и трезвым анализом окопной правды».

Рассказать эту повесть нелегко: при всей остроте сюжета и романтической нестандартности ситуации она с трудом укладывается в традиционные рамки сценического действия, ибо все происходящее в ней преломлено через психологию и мироощущение старшины Васкова. Сценическая композиция по повести продолжилась в театре, и ее авторы бережно отнеслись к первоисточнику. Небольшие накладки, неизбежные при инсценировании, заметны лишь тем, кто задается целью сравнить повесть и спектакль. Родилось самостоятельное произведение. И если в нем есть пока отдельные шероховатости, то они insignificantы и исправимы для спектакля с совсем небольшим его «стажем» и не снижают общего впечатления цельности. Найлена одиночеством доможания для этого спектакля «Юрки» с преобладанием литературного театра, обогащенного психологией, музыкой, изобразительными средствами, точно сыграл актер на роль главного героя, главного рассказчика.

Виктор Кульченко живет на сцене одновременно в двух измерениях. Его повествовательные задачи, казалось бы, спокойный тон — речь идет о былом, о свершившемся, на которое можно смотреть с высоты истекших лет трезвым аналитическим взглядом. Но сквозь кажущуюся эпическую ровность этого рассказа кричат о девочках, убитых войной на рассвете жизни, беспощадная память, хранящая их позыми, смеющимися, юными.

Мысль о несомнестности, о трагически конфликтном столкновении понятий «женщина» и «война» была, нам кажется, особенно важна в повести Васильева постановщику спектакля заслуженному деятелю искусства РСФСР Владимиру Соколову. Она пронизывает спектакль, ее неизменно носит в себе Васков.

Встреча с этими девочками, присланными для охраны 171 разъезда, была злой насмешкой судьбы над ним, командантом. Они были неуместны: здесь с их лапльотками, частушками, с обиходнейшим загорать нагишом на казенном брезенте и демаскировать объект неустановными поштуршиками. Они осложнили жизнь Васкова — и жалостью к этим желторотым вожкам «женского рода», и робостью перед их образованностью и языковостью.

А прощание с пятью из них, погибшими в операциях против фашистской диверсионной группы,

стало для Васкова личной потерей, незаживающей раной. И неуместность женщины в войне еще обостренное видится Васкову, но уже в другом, масштабном и сильном, свете: война, убивая этих девочек, перерезает «маленькую ниточку в бесконечной пряже человечества». И оборванные нитки, несостоявшиеся материнства наполняют сердце Васкова болью, ненавистью, проклятием войны.

Кульченко доверительно и тонко рассказывает нам о духовной трансформации своего героя. Его, службиста, тупого духа и бужку устава, война поставила в положение, никаким параграфом не предусмотренное: пять девочек и старшина с наганом должны наступить в бой с шестидесятью гитлеровцами. И нестандартные ситуации, невольная необходимость решительного и самостоятельного действия раскрывают перед нами истинную цену Васкова. Васкова, способного не только на безупречное исполнение, но и на беззаветную храбрость. Васкова талантливого и жизнестойкого. Васкова, исполненного не только воинского долга, но и нежности к этим девочкам в солдатских сапогах, и страшно потерять их, и страстным желанием уберечь.

Если бы не эта внезапная разведка, между Васковым и девятиками, может быть, надолго сохранилась бы дистанция, приличествующая субординации. Но ежесекундная опасность и первые потери заставляют их телее и пристальнее глядеться друг другу в лицо. Маленькая боевая единица постепенно становится простотой семей («Да какой я вам теперь старшина, сестренки!») с общей болью, бедой и ненавистью. И Васков обнаруживает в эти страшные часы такую зоркость, такую интуицию, такую бездну человечности и доброты, что нам остается только одно по отношению к нему — преклонение.

Васков, с его трудными раздумьями, побуждает нас еще раз остро почувствовать преступную, разрушительную сущность войны. И подумать о том, какие умные, хорошие жизни могли быть впереди у этих девчат, если бы не война.

Если бы не война, была бы солнечно счастлива Рита Осянина, образ которой, прелестный в своей женственности, строгости и целомудренности, создает Галина Аверьянова. К ней рано пришла настоящая любовь, она рано узнала счастье материнства и радость быть женой не только женой — другом, единомышленником. Война принесла Рите раннее вдовство, не укладывающееся в сознании — так болит, так тревожит в Рите-Аверьяновой недавнее счастье! Война одела Риту не только в солдатскую форму — еще и в броню замкнутости и аскетизма, война научила ее, добрую и мягкую, ненависти и мести.

Если бы не война, по-хозяйски приметливо и твердо вошла бы во взрослую жизнь крестьянская

девочка Лиза Бричкина, основательная и застенчивая, светлая и прямая, близкая у Тамары Анохиной к классической некрасовской формуле русской женщины; Лиза, мужественно вынесшая на себе полудетских плечих тяготы легкой юности и вопреки им до последнего мгновения вершая в счастье...

Если бы не война, не пришлось бы гордой и прекрасной Женьке Комельковой брать на себя солдатское мужицкое дело — рукопашную схватку. Не достало бы ей широкого, талантливого жизни — а этом убеждает нас заслуженная артистка РСФСР Валентина Устинович. Ее Женька, перенесшая странное горе — расстался всей семьей на ее глазах — не расстается, не сломается, не озлобится; она примет свою трагедию, не допуская жалости к себе; она в последний бой идет гордо и отчаянно, как в плену, и умирает гордо и прекрасно, не делаясь за жизнь, а утверждая своею гибелью «безумство храбрых».

Если бы не война, окончила бы свой университет круглая отличница Соня Гурвич и честно служила бы выбранному делу, и с помощью чьего-то любящего сердца этот тихонький, напряженный, угнетенный в себя гадкий утенок мог бы стать лебедем. Тамара Богозина протравляет нам глубинку Соинной души, и мы видим в ней и детскую беззащитность, и чуждость к темноте, и верность одному из высших чудес мира — поэзии, и доверчивую доброту, перерастающую в самопожертвование...

Если бы не война, выбралась бы из хаоса своих детских фантазий Гая Четвертак (Светлана Романова) — такая нелепая и мятущаяся, такая «хохотушка и трусиха» — и обрела бы уверенность в действительной реальной жизни, и была бы вознаграждена за детдомовское детство теплом собственной семьи... Но война свер-

шила, и пять девочек, не задумываясь о героизме и славе, сначала надели солдатскую форму, а потом пошли на подвиг.

Они гибнут одна за другой — падают на сцену маленькие фигурки, а в глубине сцены, заслоняя едва намеченный лесной, ослепший простор (художники спектакля — Олег Щербак), вопиют огромные их фотографии, запечатлешшие улыбку, раздумье, порыв, — живые девичьи лица, приближенные к нам неуемной памятью Федота Васкова, памятью народа о павших героях.

Переход от театра литературного к собственно театру открытвенно условен, открыто символически хореографические эпизоды спектакля, поставленные балетмейстером Юлем Вазоровым, аскетически скупо изобразительное решение спектакля и музыкальное оформление Владимира Сергина. Отринуты второстепенные детали, высечено, укрупнено главное: подвиг и совершившие его.

Многие мизансцены спектакля отмечены графической законченностью, скульптурностью, нарочитой жесткостью движения. Голос спектакля и его нерв — Васков-Кульченко — стал и его

зрительным символом. Сначала — подчеркнуто подтянутый перед своим смешливым воинством слушателя. Потом — (защитить, уберечь!) над сестрами, любимыми. Перед финалом же, окаменевший от горя и ненависти, истерзанный, победивший, — словно фрагмент мемориального скульптурно-го ансамбля.

Он, как и в начале, останется один на сцене и уронит в зал тяжелое раздумье; имел ли он право положить пятерых девочек за двенадцать убитых и четверых пленных врагов — за Кировскую железную дорогу и Беломорско-Балтийский канал?

И тогда за синюю старшину встанет павшая смертью храбрых младший сержант Маргарита Осянина и скажет негромко и строго: — Не надо. Родина ведь не с каналов начинается. Совсем не отсюда. А мы ее защищали. Сначала ее, а уж потом канал.

И эти слова, будут кульминационной точкой спектакля, его патетическим финалом, хотя формально рассказ Васкова еще не будет окончен.

Е. ЗЛОТИНА.

Фото Б. ЧИГИШЕВА.

